

Говорили, что в Анкарии, королевстве Надежды, зимы не бывает. Но подобные прописные истины легко изрекать тому, кто сидит дома в тепле у потрескивающего в камине огня, перед дымящимся жарким за кружкой медовухи, кому не приходится ломать голову над тем, как пережить следующие сутки. Так считала Свенья. Здесь, на торфяном болоте с кривоствольными деревцами, где каждый выдох сопровождается легкое облачко пара, а трескучий мороз укрывает природу блестящим белым покрывалом, все говорило о том, что наступила зима, обещающая по некоторым признакам быть суровой, как никогда. Уже в середине ноября на окнах маленькой хижины на окраине поселения возле болота, где Свенья жила с бабушкой, матерью, братьями и сестрами, к утру расцветали ледяные узоры, и если ненароком выскочить за дверь налегке и без толстых шерстяных носков, то запросто можно подхватить простуду. В первую очередь этой опасности подвергаются те, у кого мокрые ноги. Хотя молодая торфяница прекрасно знала все тропы на болоте, было достаточно одного неверного шага, чтобы по щиколотки оказаться в ледяной жиже.

Своим названием Уродливая трясина была обязана кривым низкорослым соснам. Они, напоминая фигурки гномов, тут и там торчали между водотоками и отложениями торфа. Когда же на болото ложился туман, деревья походили на тех несчастных уродов, которых несколько лет назад Свенья видела в Мурбруке на ярмарке: калеки и животные-мутанты с двух головами или с тремя руками, с непропорциональными туловищу короткими ногами и огромными черепами. Стоя у подмостков с младшими сестрами Мири и Хелен и разглядывая обиженных судьбой мужчин и женщин, с несросшимися заячьими губами, лицами с костяными утолщениями и кожными наростами, походящими на маски, Свенья почувствовала тогда отвращение и в то же время ее сердце преисполнилось глубокой скорбью. Что это за жизнь — выставяться напоказ перед всем миром, чтобы подлая чернь могла посмеяться над твоим несчастьем? И невольно порадовалась, что ее миновала подобная участь.

Пожалуй, самое тягостное впечатление на Свенью произвел совсем крохотный темный эльф. Фокусник Малини, некто вроде директора ярмарки, низкорослый толстяк с оттопыренными, словно надутые паруса, ушами, хорошо поставленным голосом объявил, что младенца сразу после рождения убила мать и что темные эльфы так поступают с каждым вторым из потомков, чтобы скопить побольше душ для своего порочного, жуткого культа умерших. Распухшее, серое тельце младенца с крохотными ручками и ножками плавало в круглом стеклянном сосуде с желтоватым спиртом. Он ничем бы не отличался от обыкновенного человеческого младенца, не будь у него острых ушей, черных как ночь глаз без зрачков и неестественно длинной нижней челюсти, с мелкими, острыми, как у хищника, зубами. Тогда Свенья впервые увидела темного эльфа и не менее получаса простояла, внимательно разглядывая младенца. Неделями потом ее преследовал кошмар, как будто она подходит к сосуду, склоняется над младенцем, а тот внезапно, широко распахнув пасть, бросается на нее, разбив стекло, и вонзает свои мелкие, острые как иголки зубы ей прямо в лицо. Со временем кошмар ушел из ее снов, но младенец темного эльфа глубоко запечатлелся в памяти, словно след от раскаленного гвоздя на медной гравюре. Самым жутким в этом казалась жестокость, с которой зародившаяся жизнь была прервана матерью, самой природой призванной любить и оберегать собственное дитя.

Но сейчас, размашистым шагом пересекая болото с лопатой в руке и корзиной собранного торфа на спине, Свенья удивлялась собственной наивности. Темные эльфы вовсе не люди, а злые создания иной, более древней расы, преисполненные жестокости и жажды убийства, и глупо было даже предполагать, что они в состоянии испытывать такие чувства, как любовь или сострадание.

Свенья попыталась отогнать эти мысли и, хотя знала, что темные эльфы уже несколько столетий не покидают Темные области на северо-востоке королевства, невольно ускорила шаг, услышав слабый шорох в густой поросли. Скорее всего, это болотный бобр скользнул в черную торфяную воду, чтобы добыть себе что-нибудь на ужин.

И тут она задрожала от холода. Днем слабый, молочный солнечный свет хотя бы чуть-чуть грел, но с наступлением сумерек надвигающаяся зима дохнула ледяным дыханием, и девушка ускорила шаг в направлении Мурбрука. Наверняка семья уже заждалась ее, потому что Свенья еще днем отправилась на болото, чтобы набрать торфа, — для женщины такая работа куда легче, чем запасать в лесу дрова, тем более и торфа на болоте предостаточно.

К сожалению, только торфа и было с излишком в этом отдаленном уголке Анкарии да еще — винокуренных заводов, где дистиллировался знаменитый мурбрукский виски, приобретавший при перегонке из-за болотной воды неповторимый земляной привкус, благодаря которому так ценился во всем королевстве. В целом же времена, когда эта область процветала, остались позади. Несколько поселений торфодобытчиков посреди бескрайних болот Анкарии представляли собой прибежища бедняков, которые оставались здесь отнюдь не по собственной воле, а просто потому, что им некуда было уйти.

И Свенья не являлась исключением. Ее самой большой мечтой было где-нибудь в другом месте начать новую, лучшую жизнь, но на что жить необразованной девушке в Хоэнмуте или Крээнфельсе? Разве только пойти на панель, но этого Свенья и представить себе не могла, так как еще ни разу не делила постель с мужчиной — и не потому, что была безобразной или никому не нравилась, просто после смерти отца на нее легла огромная ответственность за семью. Дни напролет она проводила в хлопотах, надрываясь, чтобы хватило еды для всех голодных ртов, так что на сердечные дела времени не оставалось, не говоря уже о том, что ни один мужчина в здравом уме по доброй воле не станет связывать свою жизнь с женщиной, которая тотчас же приведет с собой многочисленную родню. Разумеется, она мечтала о спутнике, с которым могла бы разделить груз ответственности, кто дал бы ей почувствовать себя женщиной, а не только рабочей лошадью. Но глубоко внутри Свенья уже смирилась с тем, что закончит свою жизнь такой же невинной, как девятнадцать зим тому назад. Слабым утешением служило то, что она не единственная девушка на болотах, которая обречена на это...

От унылых мыслей Свенью снова отвлек донесшийся из поросли шум, как будто какое-то крупное животное продиралось сквозь заросли крапивы и болотных папоротников. Девушка попыталась внушить себе, что ей нечего бояться, но непроизвольно перед глазами возник младенец темного эльфа, пристально, с алчностью смотрящий на нее.

Свенья бросила взгляд через плечо, но в сумерках, погрузивших мир в длинные тени, слева и справа от тропинки не было видно ни зги. Жало беспокойства все глубже проникало ей в душу.

«Не будь смешной», — пробормотала она в надежде, что звук собственного голоса придаст ей мужества, однако боязливая дрожь свидетельствовала о противоположном.

Размашистыми шагами Свенья заспешила по тропинке. Появившаяся в наступившей темноте

высоко на небе луна чертила на проторенной дорожке причудливые разводы из света и тени. Кривые ветви сосен беззвучно покачивались на ледяном ветру, кругом ни шороха, над болотом воцарилась какая-то неестественная тишина, нарушенная лишь стаей гнездившихся в спутанной кроне старого каштана ворон, которые внезапно снялись с дерева и растрепанной черной тучей понеслись прочь.

Свенья вздрогнула. Должно быть, птиц что-то вспугнуло. Она принялась уговаривать себя, что сама стала причиной птичьего переполоха, но тут же среди рассерженного карканья расслышала чей-то гортанный злобный рык и поняла, что для тревоги у нее имеются основательные причины. С шумом пробирающийся сквозь заросли зверь не мог быть ни бобром, ни даже мортарингом, — те почти беззвучно двигались по болоту и не были такими крупными и сильными.

«Он преследует меня, — подумала Свенья, отчаянно стараясь совладать с паникой. — Боже мой, он преследует меня!»

Словно в подтверждение ее мыслей шорох приблизился, и молодой торфянице показалось, что она слышит ритмичный, всасывающий звук, словно ветер ходит по закоульчатым руинам замка. Не сразу Свенья поняла, что это за звук, но потом догадалась.

Чье-то прерывистое дыхание.

Это было слишком. Свенья никогда не считала себя очень уж боязливой — она много чего переживала и испытала на болотах, — но сейчас страх сжал сердце железными тисками, оставив место лишь для единственной мысли: «Прочь отсюда, как можно быстрее прочь!»

Свенья пустилась наутек. Глухой топот сапог по земле заглушал тяжелое дыхание и лихорадочное биение сердца. Все чувства были обращены к одному — нарастающему шуму в подлеске. Перед мысленным взором возникла яркая картина: через болото несется черный медведь с красными от бешенства глазами и кровавой пеной в пасти. При этом Свенья прекрасно знала, что в окрестностях Мурбрука уже три поколения жителей поселения не встречали медведя...

Она бежала изо всех сил, но уже через полкилометра сердце стало выскакивать из груди, одновременно возникла колющая боль в боку, сначала слабая, затем все сильнее и сильнее. Свенья постаралась дышать ровнее и не обращать внимания на боль. Затем в панике она оглянулась и увидела метрах в пятидесяти позади огромную, очертаниями напоминающую быка тень.

«О древние боги, что это за существо?»

Свенья была не в состоянии определить, что это за зверь. Никогда прежде она не встречала никого подобного. Но одно было абсолютно ясно: зверь преследует ее, и значит, нельзя терять ни секунды!

Эта мысль погнала Свенью вперед. Лунный свет окрашивал темно-коричневую болотную топь внизу в матовый серебристый цвет. С тихим бульканьем на поверхность поднимались пузырьки воздуха от разлагавшихся в солоноватой воде растений. Краем глаза Свенья увидела справа необычной формы скалу, которую местные с давних пор звали Чертовой. Ветер, дождь и время обработали монолит высотой в добрые десять метров так, что при некотором воображении он напоминал череп с глубокими глазницами и двумя рогами над покатым лбом. Наверху, цепляясь корнями за черную скальную породу, росла кривая сосна, и Свенья знала, что по склону к сосне ведет что-то вроде тропинки. Старики рассказывали, что давным-давно у темных эльфов здесь было место поклонения их ужасным богам, в честь которых они проводили жуткие языческие ритуалы. Но все же вид Чертовой скалы придал Свенье сил, так как отсюда оставался всего лишь километр до края болота, и значит, если она продержится несколько минут, то спасется...

Тропинка огибала подножие Чертовой скалы и, устремляясь дальше на восток, вела прямо к Мурбруку. Свенья неслась в тени скалы, но чем быстрее она бежала, тем невыносимей становилась боль в боку. Только теперь она сообразила, что до сих пор тащит на спине корзину с торфом. На бегу она сбросила с плеч ремни и тут же оступилась из-за покотившихся из корзины кусков торфа. Свенья попыталась удержаться на ногах, но, охнув, упала ничком. Далеко выступающая ветка сосны хлестнула ее по лицу, оставив под левым глазом кровавую полосу, но Свенья даже не ощутила боли. Она быстро встала и побежала дальше, преодолевая желание оглянуться на зверя.

Преследуемая топотом звериных лап, Свенья выбежала из тени Чертовой скалы. Теперь уже было рукой подать до опушки, прямо за которой начинались хижины и дома Мурбрука. Единственной мыслью было, что она хочет жить скромной жизнью в кругу семьи, и пускай бедной и тяжелой будет эта жизнь, она согласна на любую. Любая жизнь лучше, чем смерть...

Вот из сумрачной темноты показались огни Мурбрука — расплывчатые пятна света на темном мрачном фоне леса. Еще четыреста шагов — и она спасена, всего только четыреста шагов...

Зловонное сопение животного становилось все громче. Теперь топот лап раздавался совсем близко, и хотя рассудок приказывал Свенье не делать этого, она бросила быстрый взгляд через плечо — как раз в тот миг, когда громоздкая, приземистая тень оторвалась от земли и метнулась вперед. Огромный зверь оказался всего в десяти шагах от нее, и, когда со злобным рычанием он приготовился к очередному прыжку, Свенья с ужасающей ясностью поняла, что, как быстро она ни бежала бы, ей не спастись.

И увы, оказалась права.

Когда до огней поселения оставалось лишь триста шагов и на краю болота уже выступили из темноты контуры домика Свеньи, ей показалось, что она затылком чувствует горячее, омерзительно пахнущее тухлым мясом дыхание. В следующее мгновение она получила такой чудовищной силы удар в спину, что из ее легких со свистом вырвался воздух. Не осталось сил даже закричать, и она, словно соломенная кукла, упала на землю.

На мгновение в глазах у нее почернело. Ошеломленная, Свенья перекатилась на спину. Торф и

сосновые иглы прилипли к лицу. Сквозь тусклую красную завесу она пристально смотрела в небо, пока в голове не прояснилось. Свенья нервно приподнялась, стала пристально вглядываться в темень, затем быстро поползла на четвереньках. Широко распахнутыми глазами она высматривала зверя; страх разрывал туман помраченного сознания и прояснял мысли.

Однако чудовищного существа нигде не было видно. Тропинка казалась свободной.

Взгляд Свеньи лихорадочно метался вокруг, но от только что набросившегося на нее зверя не осталось и следа. К девушке медленно возвращалась надежда. Возможно, близость Мурбрука испугала зверя. Свенья поспешно встала на ноги, развернулась и как раз успела увидеть, как огромная лапа наносит ей удар. Это было последним, что девушка с торфяных болот видела в своей жизни. Она даже не успела закричать...

Затем зверь, стоя над своей жертвой, запрокинул массивный череп и завыл на луну мрачным торжествующим воем, дававшим понять: смерть пришла в Мурбрук, чтобы забрать с собой тех, кто судьбой уготовлен для более значимых дел.

Зима бестии началась...

<http://tl.rulate.ru/book/15991/318822>